

СССР СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Суббота, 21 мая 1988 г. № 61 (6473)

Газета Центрального Комитета КПСС

ЦЕНА 10 КОП.

В Политбюро ЦК КПСС

Политбюро ЦК КПСС на очередном заседании, состоявшемся 19 мая, рассмотрело и одобрило проект тезисов Центрального Комитета КПСС и XIX Всесоюзной партийной конференции. Принято решение о созыве Пленума ЦК КПСС для рассмотрения тезисов с последующим вынесением их на широкое обсуждение коммунистов, всех трудящихся.

Политбюро одобрило итоги встречи М. С. Горбачева с Председателем Социал-демократической партии Германии Г.-И. Фогелем. Отмечено, что эта встреча имела серьезное значение в плане дальнейшей активизации взаимодействия между двумя партиями в интересах нового развития отношений между СССР и ФРГ, продвигаясь по пути общевосточного сотрудничества. Она вновь подтвердила необходимость и полезность в нынешних условиях диалога между коммунистами и социал-демократами по вопросам современного развития и перспектив создания безядерного, ненавязчивого мира.

Рассмотрены и одобрены результаты беседы М. С. Горбачева и З. А. Шеварднадзе с премьер-министром Таиланда П. Тисуланом. Подчеркнуто, что состоявшийся конструктивный обмен мнениями отвечает задаче активизации отношений с Таиландом, как и с другими странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, в контексте принципиальной политики Советского Союза, направленной на укрепление мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе и разблокирование конфликтных ситуаций. Достигнутые договоренности создают благоприятные предпосылки для дальнейшего расширения плодотворных связей и поступательного развития отношений между Советским Союзом и Таиландом в духе взаимопонимания и доверия.

На заседании были одобрены итоги официального дружественного визита А. А. Громыко в Социалистическую Республику Румынию. Состоявшаяся встреча и беседа с Н. Чаушеску и други-

ми румынскими руководителями отвечают линии на укрепление традиционных отношений дружбы, сотрудничества и добрососедства между Советским Союзом и братской Румынией. Отмечено, что выход советско-румынского сотрудничества на более высокие рубежи как по партийной и государственной линии, так и в плане общественных связей отвечает интересам СССР и Румынии, делу упрочения мира и социализма. Особое внимание было обращено на развитие экономического сотрудничества, в частности на дальнейшее углубление специализации и кооперирования производств, создание совместных предприятий, совершенствование связей по линии трудовых коллективов.

Заслушано сообщение З. А. Шеварднадзе об итогах переговоров с государственным секретарем США Дж. Шульцем в Женеве. Отмечено значение этого раунда переговоров министров перед встречей на высшем уровне в Москве 29 мая — 2 июня с точки зрения подготовки указанной встречи, а также рассмот-

ренили ход работы над практическими соглашениями между СССР и США.

Подчеркивалось, что предстоящая московская встреча в верхах может привести к дальнейшему продвижению по пути, определенному на встречах в Женеве, Рейкьявике и Вашингтоне, придать дополнительный импульс процессам поступательного развития советско-американских отношений. Подтверждено намерение советской стороны сделать все необходимое, чтобы предстоящая встреча стала важным этапом на пути и подготовке комплекса договоренностей по СНВ-ПРО. Вместе с тем отмечалось, что достижение согласованных целей предполагает соответствующую встречную готовность американской стороны.

Рассмотрена информация об итогах официального дружественного визита Д. Т. Язова в Германскую Демократическую Республику.

На заседании Политбюро ЦК КПСС приняты также решения по некоторым другим вопросам партийной и государственной жизни.

ВОННАМ части, которые первыми из Ограниченного контингента советских войск в Афганистане вернулись в минувшую среду домой, после торжественной их встречи у Моста Дружбы через Амударью довелось один день провести на земле Сурхандария, прежде чем отправиться на место постоянной дислокации их части. День этот надолго останется в их памяти. Остается не только потому, что они наконец-то возвратились навсегда на родную землю. Долго они будут вспоминать, как удивительно тепло, сердечно встречали их, как прощались их первый мирный день, когда над головой было безоблачное голубое небо и мимо со свистом не летели уже больше пули и снаряды, и не нужно было вместе с афганскими братьями по оружию идти в очередную боевую операцию.

Едва закончилась официальная часть торжественной встречи советских воинов, как была дана необходимая команда: всем через 10 минут быть в густой зеленой роще метрах в ста от места проведения митинга. Уставшие от долгого 600-километрового марш-броска солдаты и офицеры оказались в гостях у посланцев всех 12 районов самой южной области нашей Родины. Под сенью мат-ак Гудков. — Трудно сосчитать, на сколько свадьбах мне пришлось кули-

Еще задолго до прибытия советских воинов руководство области решило встретить их по-особому, по-домашнему уютно. — Группа увлеченных сестрами наших аксакалов, прощаясь о том, что скоро воины — интернационалисты придут в Термез, пришла в обном партии и предложила встретиться их не только традиционными хлебом и солью, а устроить настоящий праздник, накрыть стол для всех без исключения солдат и офицеров и угостить их свежими овощами, горячим плодом. — рассказал нам первый секретарь обкома Салихон Мамарасулович Мамарасулов. — Тогда и решил, что организатором этой праздничной встречи должны стать не только жители Термеза, но и представители всех районов области.

Едва вошло южное солнце, как лучшие мастера узбекского плетения стали выкладывать над огромными (более метра в диаметре) котлами казанками. Котлов этих было ровно двенадцать — от каждого района. И надо было видеть, как каждая из поваров старалась пригостить самый ароматный, самый вкусный плом. И надо отдать должное: они постарались на славу. — Меня часто приглашают приготовить свадебный плом, рассказывает мат-ак Гудков. — Трудно сосчитать, на сколько свадьбах мне пришлось кули-

УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ ТРЕТЬЕГО МЕЖДУНАРОДНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ФЕСТИВАЛЯ

Сердечно приветствую участников и гостей Третьего Международного фестиваля «Музыка за гуманизм, за мир и дружбу между народами».

Ваша представительная встреча — новое свидетельство того, что художники разных стран все больше проникают осознанием общности нашего многосложного мира, ответственности за судьбу человечества, за будущее цивилизации.

Объединяющая сила музыки хорошо известна. Она будит высокие чувства, благородные порывы. При всем разнообразии тра-

диций и творческих направлений конечной целью истинного искусства было и остается служение гуманистическим идеалам.

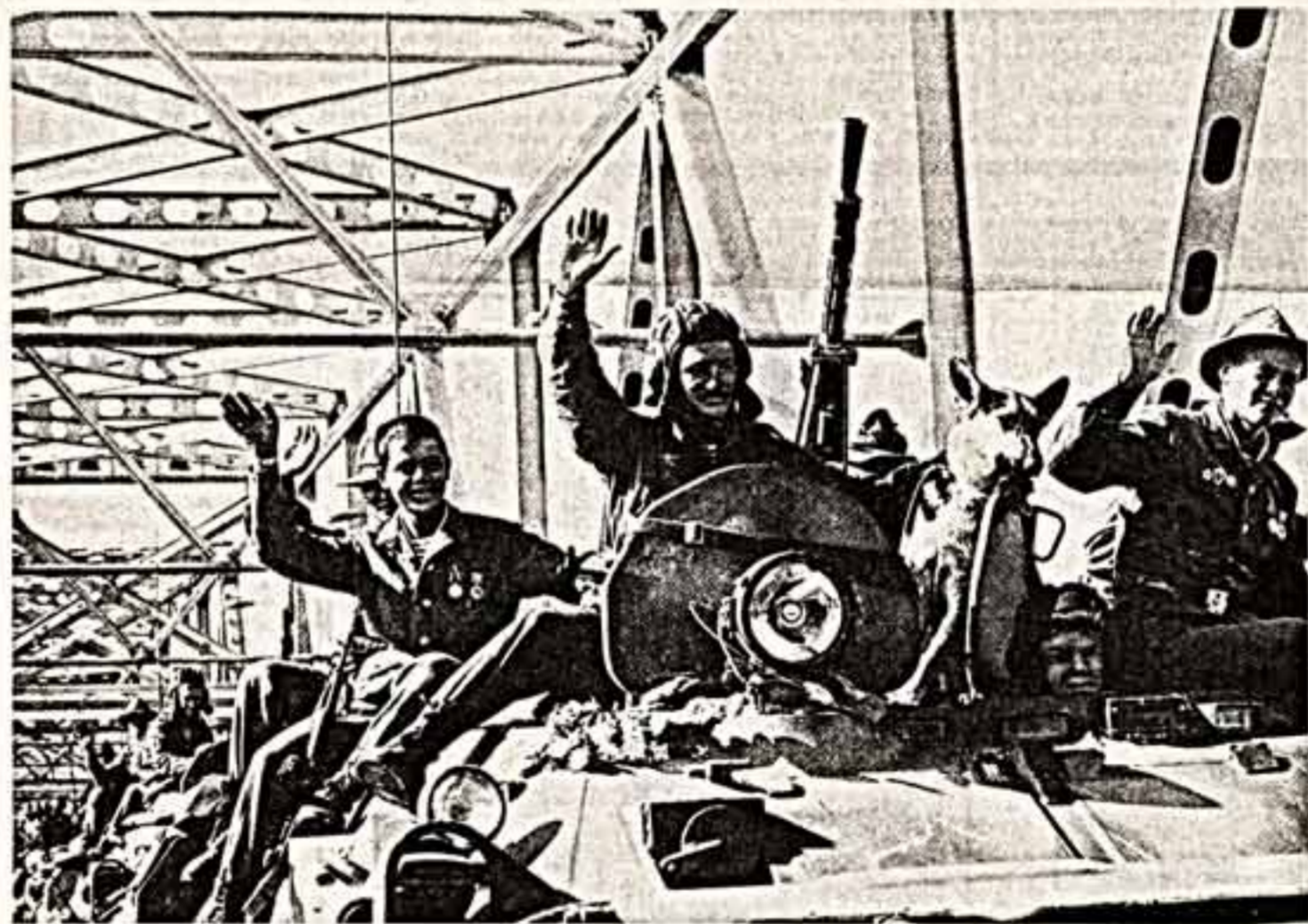
Наша страна с глубоким уважением относится к культурному достоинству всех народов. Советское общество открыто для всего нового, талантливого, что служит миру и человеку. Уверен, дух искреннего сотрудничества будет способствовать успеху фестиваля.

Желаю вам ярких впечатлений и памятных встреч на ленинградской земле.

М. Горбачев

Здравствуй, МАМА!

Рассказ о первом дне воинов-интернационалистов на родной земле

нарничать, но сегодняшний день я запомню на всю жизнь. Ведь сегодня я трудился во славу самой большой свадьбы — возвращая наших славных сыновей домой.

Прямо за горячим пломом советские и зарубежные корреспонденты (последних было более ста) беседовали с нашим загорелым на афганском солдате парни.

С нетерпением ждали этого дня и работники сферы культуры. Профессиональные и самодеятельные артисты области на импровизированной площадке поздравляли воинов со своим искусством.

После вкусного плома и душевного зеленого чая у жителей и гостей завязалась оживленная беседа с воинами. Лучшие всех себя чувствовали ведущие мальчишки. Они заводили знакомство с мотострелками, трепетно дотрагивались до автоматов и боевых наград, что были на груди многих воинов-интернационалистов. Наше внимание привлек один из солдат, который за праздничным столом начал писать письмо. Познакомились.

— Гвардии сержант Александр Мороз. Родом из Минска. Пишу письмо домой матери...

Много таких писем, которые будут распечатаны ма-

теринскими руками уже без тревоги за судьбу своих сыновей, отправили почтой Термеза.

Колхозница Гульхумор Нормуратова с беспокойством вглядывалась во внешне одинаковые фигуры военных, привычно расположившихся на броне, когда армейская колонна выходила на место торжественной встречи. Вот он — ее сын Анвар! Улыбается уставил из-под армейской панамы.

А Нина Степановна Колесова в это же время не сподила глаз с высокой крепкой фигуры в середине строя перед трибуной. Совсем близкий путь пришлось ей одолеть, добираться в Термез из Новокузнецка, да и за дом было беспокойно, за мужа Анатолия Никитича, инвалида Отечественной войны второй группы, которого оставила одного. Он четвертый год прикован и постели, но велел ехать и сыну. Сам, мол, перебежит как-нибудь. В эти минуты Нина Степановна все тревожные мысли отгоняла одним ожиданием: скорей бы разрешили подойти и строю. Подали команду, и она вместе с пионерами кинулась к своему высокому, самому родному. Но чем ближе строй, тем отчетливее проглядывало сквозь слезы

незнакомое лицо ладного офицера. Добежал до него, она по инерции подала цветы в протянутые навстречу сильные руки, подылав на щипочки и выдохнула давно заготовленное: «Сыночки! И усталый майор совсем по-детски покорно склонил голову для поцелуя.

Подвело Нину Степановну зрение. Но не сердце. Офицера, которого она приняла за сына, узнала о том, что скоро ее сын, подполковник Михаил Анатольевич Колесов прибудет на родную землю. Жив, здоров, три дня назад он лично прощался с ней.

Назад мать шла с огромным букетом от воинов, боевых товарищей сына.

...В пути следования первой колонны Ограниченного контингента советских войск из Джалалабада до границы СССР воинов сопровождали корреспонденты ведущих зарубежных газет и телеграфных агентств. Нам довелось побеседовать с некоторыми из них.

— Я только что передал в Берлин первую часть моих будущих корреспонденций о выводе советских войск из Афганистана. Я благодарю Михаила ГРЕМЕ, заведующий отделением телеграфного агентства Голландии в Амстердаме, и корреспондента японского телеграфного агентства Киодо Цуки Кадауки. В Мадриде выходящий на улицы, чтобы проводить своих верных друзей, сказать им на прощание слова любви и признательности, а их бескорыстную помощь.

Высказывание нашего берлинского коллеги, подполковника и корреспондента японского телеграфного агентства Киодо Цуки Кадауки, подполковника дружбу советских солдат и жителей Афганистана. Вот одна из записок, которую мне довелось беседовать с водителем танка. Я спросил у него, что он думает о выводе советских войск из Афганистана, что ему грустно расставаться с советскими воинами. И мне подумалось, что так может сказать только друг о своем настоящем друге.

Доверюсь нам здесь интервью еще у двух зарубежных коллег.

Гордон МАРТИН, дипломатический корреспондент Би-Би-Си в Лондоне.

— Я верю в искренность Советского правительства об окончательном выводе советских войск из Афганистана. Сегодняшнее возвращение советских солдат, их встреча на родной земле, несомненно, волнующее событие.

Пунмалпа ДАСГУПА, индийский журналист.

— Принято соглашение о наведении выходящих войск несомненно, отразится на всем международном климате, даст добрые всходы. Я направил рассылку индийским читателям, как Советское правительство умеет держать данное слово.

Л. МАХКАМОВ, Вил. НИЯЗМАТОВ, (Наш спец. корр.)

Термез, Узбекская ССР.

● Первый встретил нашего воина пограничник Николай Глебов и Сергей Чернов.

● Советские воиска возвращаются домой.

● Работя в семье Турсатовых, они встретили своего сына Анвар.

Фото В. Киселева.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ ПРОБЛЕМЫ

НЕПРОСТОЙ ПУТЬ К ЗДРАВОВОМУ СМЫСЛУ

ПО ПЕРВОЙ программе Центрального телевидения были показаны интересные передачи цикла «Встречи с Америкой», подготовленные Главным управлением внешних сношений Гостелерадио СССР и Главной редакцией программ ЦТ совместно с американской телекомпанией Кинг-5. Вел передачи политический обозреватель ЦТ Владимир Познер, человек, много лет проживший в Соединенных Штатах и, как мне кажется, хорошо узнавший американцев и полюбивший их.

Что значат такие передачи для телезрителя, сегодня должно быть понятно всем: они помогают нам избавиться от стандартных и навязчивых стереотипов восприятия образа жителей США, восприятия, восходящего корнями ко времени «холодной войны». Причем хочу подчеркнуть, отнюдь не лишено оснований, вопреки тому, что, к сожалению, стало просто модным говорить сегодня, демонстрируя завидную «широту взглядов» и всегдешнюю готовность становиться хотя бы «брейв-данди» на любой «Соборной площади», если только распространится слух, что так танцуют брейк в лучших домах Филадельфии.

Впрочем, бог с ними, с предположениями «брейв-данди», — каких толков чудес не выдвигали по части низкопоклонного подражательства! Нет чтобы такое же резкое проявить по части какой-либо полезной заморской придушки...

Но вернемся к передачам «Встречи с Америкой», которые вел Владимир Познер. Лучшего ведущего трудно было бы подобрать, и не только советская, но и американская аудитория поняла это вполне: в осязании, устроенных американцами в конце обих вечеров, была доля аллюзий, по праву предназначавшихся советскому зрителю.

ним: еще совсем недавно американские участники этих телевизионных космических встреч были напряжены и недоверчивы; обстановка конфронтации определяла их настрой. Сегодня — это дружелюбная, искренне заинтересованная аудитория.

Да, конечно, 1988 год — не 1955-й, да и как бы ни трудился в поте лица американские крайние правые и ультраправые, им уже не удастся заморочить американцев розсказнями типа «империя зла» и «экспансионизм русских». И заморочить настолько, чтобы распространить привычный, созданный империалистической пропагандой, облик мужлана-русского, вооруженного до зубов, и убедить обывателя-линии в непогрешимости Соединенных Штатов, в наличии у них неоспоримого права диктовать порядки хотя бы в своем полушарии. Иначе говоря, — в праве на так называемое «мировое лидерство», то бишь мировое господство. В общем, ретривим имперского прошлого еще случаются. Еще трясет Америка крохотную Панама, добывая свершения ее правительства и обещая за это свершение прервать жесткие экономические санкции — этот «цивилизационный» разбой против маленькой, но суверенной республики.

Но не сдается Панама, не падает ниц перед боссом-империалистом. Нарушает извечный «порядок», заведенную процедуру, согласно которой сильный всегда прав. Ан нет — изменились времена, поднялось в цене почти на порядок ощущение собственного достоинства. И не важно, большой это или малый народ — он хочет быть хозяином своей судьбы.

И такие перемены — всюду, во всем. В них все активнее проявляет себя воля народа; народная дипломатия стала нормальным, привычным феноменом жизни, и, узнавая друг друга, люди вдруг с радостью обнаруживают общность мыслей и устремлений. За этим — осязаемая общность судеб, приобретающая драматический характер за последние десятилетия, десятилетия ядерной эры.

Вот сообщение из Нью-Йорка: «Переговоры вместо

конфронтации, сокращение уровня военного противостояния вместо бессмысленной и крайне опасной гонки вооружений, рост популярности советского руководства в мире — таковы итоги опроса общественного мнения, проведенного компанией «Мидия дженерал» и информационным агентством АП в преддверии московской встречи на высшем уровне».

И далее: «Данные опроса, проводившиеся в масштабах всей страны, свидетельствуют о высокой популярности М. С. Горбачева, о котором весьма положительного мнения придерживаются 54 процента опрошенных. Авторитет советского руководителя еще выше среди различных категорий американцев с более высоким уровнем образования: положительно отзывались о нем от 71 до 76 процентов...»

Сенсация? Неожиданность? Да и это. В стране, привыкшей считать себя главным «абсолютно свободной», слово одобрения в адрес Советского Союза еще недавно было невозможно.

И хотя сегодня многое выглядит иначе, ультраправые не унывают. В надежде взорвать советско-американские договоренности они сосредоточили огонь на перестройке в СССР. Поджигается идея: успех перестройки мог бы повести к усилению СССР как опасного в военном отношении соперника США. В одном из подкомитетов палаты представителей «изучают вопрос: какую позицию следует занять Соединенным Штатам в отношении перестройки в СССР? В интересах ли США содействовать ее осуществлению?»

И все-таки ситуация не в пользу реакционеров. Что изменилось? Многие. Уходит с авансцены злое слово «холодная война». Рухнула аллюзия стереотипа. Их помогает вытеснить миролюбивый внешнеполитический курс КПСС, реальный авторитет наших мирных инициатив.

Новое мышление пробавляет себе путь к разуму и ответственности людей.

Григорий ОГАНОВ, политический обозреватель «Советской культуры».

<p>ЭКРАН</p> <p>3-4</p> <p>страницы</p>	<p>6 страница</p> <p>«ЗА НЕНАДОВНОСТЬЮ ВЕРНУТЬ...» — такую резолюцию Председатель СНК СССР В. М. МОЛОТОВ наложил на письмо академика П. Л. КАПИЦЫ.</p>	<p>СЕГОДНЯ</p> <p>В НОМЕРЕ:</p>	<p>8 страница</p> <p>НОВЫЕ ДОГАДКИ О ФЕНОМЕНЕ БЕРМУДСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА И ПОЧТИ ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ В МАТЕРИАЛЕ «МОЖНО ЛИ ОБЪЯСНИТЬ ОДНУ ИЗ ЗАГАДОК ВЕКА».</p>	<p>СЦЕНА</p> <p>9-10</p> <p>страницы</p>
--	--	---------------------------------	---	---

КЛУБ КИНОЗРИТЕЛЕЙ

Маленькие хитрости

29 марта подполком и с женой в афишах кинотеатра «Ларки» и выйдя на экраны фильма «Холодное лето пятьдесят третьего...».

После сеанса, который закончился не в 17.30, а в 16.50, мы решили выразить свой протест директору кинотеатра тов. Рашетину.

Позвонили мы в Харьковское управление кинофикации и спросили, с кем можно побеседовать на эту тему. Ответ был — с кем!

В. МАКАРОВ.

ХАРЬКОВ.

Одухотворенное искусство

Как-то у нас принято, что фильмы выдвигаются на премии организационным, а не творческим жюри. Вынести этот вопрос на страницы газеты нас побудил просмотр фильма «Футбол».

Мы, может быть, не умеем писать красиво, но увидевшие на экране нас потрясло, ведь многие из нас думали, что путь артиста легок и состоит из бесконечных радостей и праздников.

Хочется подчеркнуть и такую мысль: путь подлинного артиста — это взгляд вперед. Искусство не стоит на месте, и если оно одухотворено мыслью и чувством, оно опережает время.

С. СУРОЗАНОВА, М. КАШЛЕЦКАЯ, И. ГОРМЫЗА, Л. РЕЗНИК, В. БОГДАНОВ, Б. ШЕРЕНКОВ и другие.

НОВОСИБИРСК.

Все начинается с семьи

С большим интересом прочитал статью И. Левшиной «Нам кажется, что молодые нас не поддержат». Я давно уже не молодой, а может быть, и постаревший автор письма, о котором говорит И. Левшина, прошел войну, по-видимому, но во многих вопросах, пожалуй, тоже не поддержит авторов того письма.

Дву дашься, что авторы письма (педагоги, врачи) назвали порнографией в таких фильмах, как «Михайло Ломоносов», «Васса Желанова», «Экзилья». Что такое порнография? Это непристойная, вредная литература (письма, фильмы), в которых смакуются сцены разврата.

Да, в жизни многие вещи бывают страшнее, чем в кино, и, наверное, с ними сталкиваются дети. Так что не в кино надо искать истоки нравственной опустошенности некоторой части подрастающего поколения.

Я твердо убежден, что все радости и невзгоды жизни надо искать в семье. Мы часто говорим, что злобо от близких недалеко падает. Но это не в силах мудрости. И главное, наверное, не в том, что злобо всегда падает рядом, а в том, что падает оно не всегда злым, бывает гнилым, с наркоточной. Очевидно, исходить надо из того, какие соки дают этому плоду корни. Родители иногда забывают, что они, корни, уподобляются веткам, которые лишь удерживают плоды в зрелом состоянии.

Причины бездуховности некоторых детей

надо искать не в ущербности отдельных фильмов, а в том минимальном общении родителей с детьми (20 минут в день) и пренебрежением, поверхностностью, беззаботностью воспитания.

Есть такой страшный, на мой взгляд, фильм — «Игры для детей школьного возраста». Но его родила сама жизнь. Разве можно молчать о такой жизни! И мастера киноискусства призывают всех нас (и вас в том числе, уважаемые авторы письма) бороться не с кино, а именно с такой жизнью. Наверное, и против этого фильма могут выступить авторы письма, ведь в нем тоже ужасы и правда жизни. Ну, а много подобных фильмов обсуждается в семье! В школе!

Нельзя, думаю, до 16 лет воспитывать детей в «спокойке», «будничестве», «в гостях у сказки».

В чем-то я могу до некоторой степени согласиться с авторами письма — в иных фильмах много ужасов, стрельбы, убийств. Но ужас ужас рознь. Иногда он оправдан содержанием и не является бессмысленным (какие декорации в «Завоед блестящего счастья», гибель моряков в «Мы на Крошатада», подвиг армиллеров в «Горыч снег», расплата Прокудина за свое прошлое в «Кланы красной»). Мы видим здесь борьбу добра и зла, и зло порой берет верх, но люди, которые ведут с ним борьбу, побеждают, даже погибая. И у молодого зрителя учащенно бьется сердце, рождаются прекрасные гражданские чувства.

Страшным бывает не стрельба и ужасы, не смерть героев и не обнаженные женщины, а духовная пустота тех, кто смотрит фильм, бездонная пропасть между детьми и родителями, детьми и школой. И родители, и школа должны умело, разумно использовать в воспитании литературу, искусство, и в частности кино.

В. БУБНОВ.

МОСКВА.

Не бояться правды

Тематика публикаций в вашей газете стала настолько интересной и актуальной, что на многие из них хочется откликнуться. К числу таких, например, относится статья И. Левшиной «Нам кажется, что молодые нас не поддержат». Конечно же, не поддержат. Аргументы у различных групп будут разными. Я отношу себя уже к людям среднего возраста (мне немного за тридцать, у меня двое детей). Однако, как и автор статьи, я педагог и мать, меня волнуют фильмы о молодежи и для молодежи.

Знаете, и раньше, и теперь мы претили фальшь и ханжество. А как чутко улавливают фальшь юные!

Не надо бояться говорить молодым правду, без ханжества. Поверьте, работая преподавателем, я убедилась, что много есть молодых людей, которые видят и понимают жизнь, и производят искусство глубоко, верно.

Я, например, нравственно выслушала только от человека, много в жизни испытывавшего, а не от рафинированного чистюльки.

Умение говорить о правде, о сложности жизни можно научиться у Достоевского, Толстого, Чернышевского.

В. ЖУКОВА.

Дискуссия о необходимости реабилитации «кино», коммерческого жанра кино продолжается. Поневолле кажется, жмется, что за разговором скрываются элементарная неуверенность и боязнь раскрыть свою несостоятельность в создании развлекательного кинематографа, отвечающего запросам сегодняшнего зрителя.

Из более чем двухсот фильмов, выходящих ежегодно в США, примерно половина снимается крупными голливудскими студиями, другая же половина — результат творческих усилий независимых кинематографистов.

Кто эти независимые, от которых, впрочем, находится в прямой зависимости характер развития кинематографа США? Мы встретились с тремя американскими режиссерами, которые, как и многие из коллег, живут вне голливудских рамок, отстаивая свое право на самовыражение в серьезном, некоммерческом кино.

Что вы вкладываете в слово искусство?

Роберт Нилсен: Искусство — это Пудовкин, Чаплин, Эйзенштейн, Довженко...

Дэвид Анспаг: Смысл этого понятия доступен только тем, кто способен к творческому труду.

Юджин Корр: Киноискусство — это свободный рынок идей.

Советские люди и американцы пытаются сейчас избавиться от шаблонного, трафаретного представления друг о друге. Окажут ли нам в этом деле помощь идеи сотрудничества кинематографистов США и СССР, если они будут реализованы?

Ю. К.: То, что уже есть, не выдерживает критики. Стереотипов так много, что даже средняя лента, выходящая из серванта ряда автоматических станций становится событием. И это прискорбно.

Д. А.: С большим интересом отношусь к совместным съемкам. В прошлом году, когда Элам Клинов был в США, вопрос сотрудничества, конечно, затронулся...

Ю. К.: Хотелось бы только большей конкретности в переговорах о совместных съемках. Как кинематографиста и бизнесмена меня волнует и доля прибыли, и баланс участия советских и американских актеров... Чья техника? Чья пленка? Чьи деньги? Кто кого нанимает, кто платит?

Р. Н.: Нам следует внимательно ознакомиться со стилем и технологией творчества советских кинематографистов. Хотя уже сегодня я могу утверди-

того, что не стало бы важным. Нет, пожалуй, в лучшем случае пойдут с ним в кино и разложат кое-что в меру своих скромных познаний.

Д. А.: Режиссеры, занимающиеся этим жанром, редко способны переключиться и создать что-либо стоящее.

Ю. К.: Я полагаю, что порнография относится к таким явлениям, которые наносят вред человечеству.

— Есть ли такие фильмы, которые вы сами запретили бы?

Ю. К.: Нет.

Д. А.: Пожалуй, я тоже не запрещаю бы ничего.

Р. Н.: Я бы запретил фильмы, где демонстрируется документальная смерть... Животные то-

фильмы, часто снимаются в них, сам выбираю тему, пишу сценарий, распространяю свои фильмы по кинотеатрам. Слушается, что остань и без докодов. Мои ленты никак не назывались коммерческими, по американским масштабам они стоят недорого — около 1,5 миллиона долларов.

Ю. К.: Я не могу сказать, что порнография относится к таким явлениям, которые наносят вред человечеству.

Ю. К.: Кинематограф в Америке получил сильное ускорение в своем развитии с самого начала. У нас очень быстро фантастическая возможность получать огромные доходы. Конкуренция породила высочайшее мастерство американского кино — немого, звукового, черно-белого, цветного, стереоскопического.

Р. Н.: Моё мнение, что профессионализм — в значении прибрежия бездарности. Какое-то время за высокой техникой и монтажом можно пренебречь отсутствием фантазии и позиции. Но не бесконечно.

Д. А.: Я полагаю, что в американском кино слишком много профессионализма, а вот ума и сердца часто не хватает. Тот, кто ланически боится потерять прибыль, теряет художественную опору.

— Не эти ли обстоятельства заставили вас попытку счастья в независимом кинематографе?

Ю. К.: Я не припомню, чтобы хоть один фильм был запрещен. Как отец, имеющий двух детей, мне трудно ответить «да». Но с другой стороны... Допустим, я запрещаю своему сыну смотреть эти фильмы. Запрет развеяет любопытство — нет ничего тай-

и не следует убивать ради зрелищного эффекта.

— О высоком уровне профессионального мастерства в американском кино широко известно. В чем вы видите истоки этого явления?

Ю. К.: Кинематограф в Америке получил сильное ускорение в своем развитии с самого начала. У нас очень быстро фантастическая возможность получать огромные доходы. Конкуренция породила высочайшее мастерство американского кино — немого, звукового, черно-белого, цветного, стереоскопического.

Р. Н.: Моё мнение, что профессионализм — в значении прибрежия бездарности. Какое-то время за высокой техникой и монтажом можно пренебречь отсутствием фантазии и позиции. Но не бесконечно.

Д. А.: Я полагаю, что в американском кино слишком много профессионализма, а вот ума и сердца часто не хватает. Тот, кто ланически боится потерять прибыль, теряет художественную опору.

— Не эти ли обстоятельства заставили вас попытку счастья в независимом кинематографе?

Ю. К.: Я не припомню, чтобы хоть один фильм был запрещен. Как отец, имеющий двух детей, мне трудно ответить «да». Но с другой стороны... Допустим, я запрещаю своему сыну смотреть эти фильмы. Запрет развеяет любопытство — нет ничего тай-

и не следует убивать ради зрелищного эффекта.

— О высоком уровне профессионального мастерства в американском кино широко известно. В чем вы видите истоки этого явления?

Ю. К.: Кинематограф в Америке получил сильное ускорение в своем развитии с самого начала. У нас очень быстро фантастическая возможность получать огромные доходы. Конкуренция породила высочайшее мастерство американского кино — немого, звукового, черно-белого, цветного, стереоскопического.

Р. Н.: Моё мнение, что профессионализм — в значении прибрежия бездарности. Какое-то время за высокой техникой и монтажом можно пренебречь отсутствием фантазии и позиции. Но не бесконечно.

Д. А.: Я полагаю, что в американском кино слишком много профессионализма, а вот ума и сердца часто не хватает. Тот, кто ланически боится потерять прибыль, теряет художественную опору.

— Не эти ли обстоятельства заставили вас попытку счастья в независимом кинематографе?

Ю. К.: Я не припомню, чтобы хоть один фильм был запрещен. Как отец, имеющий двух детей, мне трудно ответить «да». Но с другой стороны... Допустим, я запрещаю своему сыну смотреть эти фильмы. Запрет развеяет любопытство — нет ничего тай-

и не следует убивать ради зрелищного эффекта.

— О высоком уровне профессионального мастерства в американском кино широко известно. В чем вы видите истоки этого явления?

Ю. К.: Кинематограф в Америке получил сильное ускорение в своем развитии с самого начала. У нас очень быстро фантастическая возможность получать огромные доходы. Конкуренция породила высочайшее мастерство американского кино — немого, звукового, черно-белого, цветного, стереоскопического.

Р. Н.: Моё мнение, что профессионализм — в значении прибрежия бездарности. Какое-то время за высокой техникой и монтажом можно пренебречь отсутствием фантазии и позиции. Но не бесконечно.

А рядом с Голливудом...

зательств. Но это тема для другого большого разговора.

— Существуют ли запреты на кинопроизводство в вашей стране?

Ю. К.: Запретов как таковых со стороны правительства не существует. Эту функцию скорее выполняет рынок. Главным козырем, которым кинокомпания или прокатчик могут похвастаться, является репутация или режиссера, — это сочетание и тон, что фильм будет иметь коммерческий успех.

Р. Н.: Я считаю, что запрети-тельные методы — не для искусства. Те, кто стремится что-либо запретить, отменить, вырезать, волно или невольно преследуют цель унификации вкуса. Но ведь неверно и даже жестоко забывать о том, что каждый человек — это целый мир, мир особых, личных ощущений, вкусов, пристрастий, позиций.

Существующая в США «Эмоушн» лигва продюсеров ассоциация или «Американская ассоциация продюсеров» осуществляет надзор за пропагандой развлекательного и порнографического кино.

— Полагаете ли вы, что подобный надзор является действительной формой защиты юных зрителей от развращения из сознания?

Ю. К.: Я не припомню, чтобы хоть один фильм был запрещен. Как отец, имеющий двух детей, мне трудно ответить «да». Но с другой стороны... Допустим, я запрещаю своему сыну смотреть эти фильмы. Запрет развеяет любопытство — нет ничего тай-

и не следует убивать ради зрелищного эффекта.

— О высоком уровне профессионального мастерства в американском кино широко известно. В чем вы видите истоки этого явления?

Ю. К.: Кинематограф в Америке получил сильное ускорение в своем развитии с самого начала. У нас очень быстро фантастическая возможность получать огромные доходы. Конкуренция породила высочайшее мастерство американского кино — немого, звукового, черно-белого, цветного, стереоскопического.

Р. Н.: Моё мнение, что профессионализм — в значении прибрежия бездарности. Какое-то время за высокой техникой и монтажом можно пренебречь отсутствием фантазии и позиции. Но не бесконечно.

Д. А.: Я полагаю, что в американском кино слишком много профессионализма, а вот ума и сердца часто не хватает. Тот, кто ланически боится потерять прибыль, теряет художественную опору.

— Не эти ли обстоятельства заставили вас попытку счастья в независимом кинематографе?

Ю. К.: Я не припомню, чтобы хоть один фильм был запрещен. Как отец, имеющий двух детей, мне трудно ответить «да». Но с другой стороны... Допустим, я запрещаю своему сыну смотреть эти фильмы. Запрет развеяет любопытство — нет ничего тай-

и не следует убивать ради зрелищного эффекта.

— О высоком уровне профессионального мастерства в американском кино широко известно. В чем вы видите истоки этого явления?

Ю. К.: Кинематограф в Америке получил сильное ускорение в своем развитии с самого начала. У нас очень быстро фантастическая возможность получать огромные доходы. Конкуренция породила высочайшее мастерство американского кино — немого, звукового, черно-белого, цветного, стереоскопического.

Р. Н.: Моё мнение, что профессионализм — в значении прибрежия бездарности. Какое-то время за высокой техникой и монтажом можно пренебречь отсутствием фантазии и позиции. Но не бесконечно.

Д. А.: Я полагаю, что в американском кино слишком много профессионализма, а вот ума и сердца часто не хватает. Тот, кто ланически боится потерять прибыль, теряет художественную опору.

— Не эти ли обстоятельства заставили вас попытку счастья в независимом кинематографе?

Ю. К.: Я не припомню, чтобы хоть один фильм был запрещен. Как отец, имеющий двух детей, мне трудно ответить «да». Но с другой стороны... Допустим, я запрещаю своему сыну смотреть эти фильмы. Запрет развеяет любопытство — нет ничего тай-

и не следует убивать ради зрелищного эффекта.

— О высоком уровне профессионального мастерства в американском кино широко известно. В чем вы видите истоки этого явления?

Ю. К.: Кинематограф в Америке получил сильное ускорение в своем развитии с самого начала. У нас очень быстро фантастическая возможность получать огромные доходы. Конкуренция породила высочайшее мастерство американского кино — немого, звукового, черно-белого, цветного, стереоскопического.

Р. Н.: Моё мнение, что профессионализм — в значении прибрежия бездарности. Какое-то время за высокой техникой и монтажом можно пренебречь отсутствием фантазии и позиции. Но не бесконечно.

На Киевской киностудии им. А. Довженко режиссер Леонид Осипа приступил к съемкам фильма «Этюды о Врубеле», рассказывающего о ювевском периоде жизни художника.

Первые съемки в Киевско-Перечском заповеднике. Режиссер-постановщик Леонид Осипа. Фото В. Мурзицево.

Первые съемки в Киевско-Перечском заповеднике. Режиссер-постановщик Леонид Осипа. Фото В. Мурзицево.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

странения зависит от подсчета хозрасчета. Поэтому, когда говорят об осторожности, позитивности, успешности экспериментальных проверках, то я это могу понять, хотя думаю, что мы уже достигли такого предела, который требует решать по возможности точно, но и по возможности быстро, перестраиваясь на ходу.

Но когда те, кто «сонтра», в качестве сорудительного аргумента вынают чуть ли не на всех углах восклиания о недопустимости коммерциализации киноискусства (мол, как это так: пустить по коммерческим рельсам агитационно-пропагандистскую область кинематографа?), то я слышу в этом лишь фальшь и демагогию. За патетической фразой скрывается не что иное, как полное пренебрежение к передовой, агитационно-пропагандистской роли неигрового кино. Ибо каково же значение, если этот кинодокумент им, в сущности, делая для самих себя и нескольких человек, принимающих его в Госкино, и больше ни для кого? Вот вам и самое массовое из всех искусств.

Между тем поиск хозрасчетных форм для неигрового кино преследует как раз главную цель превращения экранной агитации и пропаганды для нескольких человек в агитационно-пропагандистскую работу, рассчитанную на миллионную аудиторию. Не является ли агитационно-пропагандистской работой, рассчитанной на миллионную аудиторию, в привлечение зрителя хозрасчетным механизмом в той области кино, которая вполне достойна его внимания, — вот задача. При чем же здесь коммерциализация? И не является ли собой нынешняя система оплаты авторского труда в неигровом кино за конечный

результат в виде фильма, по идее предназначенного для широчайшей аудитории, а на практике ее не имеющей, — не является ли собой такая система как раз образец самого того, на что есть коммерческого подхода и делу, не обеспеченного ни идеологически, ни морально, ни материально?

Получно должна решаться и другая задача. Мы просто-таки обязаны поставить наше искусство под контроль самого массового зрителя, введя в обиход нашей творческой жизни критерий зрительской оценки. Пусть зритель выскажет автору все, что о нем думает, даже если думает не слишком лестно. Это все же лучше, чем если он вообще о нем не подумает ничего. Мы в конце концов должны получить тех, кто может и доставит нам радость, и заставить нас краснеть. Всякие же разговоры о том, что зритель неигровое кино «не смотрит», «не любит», «на него не пойдет», во-первых, ведутся протатчиками, у которых не только отсутствует охота проинтервью неигровые фильмы, но и пока нет стимулов (о чем мы должны крепко подумать) заниматься этим чрезвычайно сложным, хлопотливым, хотя и общественно полезным делом. Во-вторых, тех, кто отличает зритель от хозрасчетчик, ни метлой. Наконец, и этому хору в последнее время все яснее, кажется, примешиваются и бдительные голоса тех, кто почувствовал, какая сила таится в кинопублицистике. А она ведь еще только разворачивается. Так нужно ли ей давать массовый экран? Не потому ли те острые фильмы, в слове о которых мы между собой сбиваемся лбами, с таким трудом прорываются даже на сегодняшний усеченный экран, вытискиваются в одной-двух копиях, не показываясь на ТВ? В результате целая когорта лезт, которая бы

могла активно влиять на перестройку, не влияя на него.

Но, помимо этих, так сказать, субъективных факторов, есть и объективные: мы отлучили зрителя от неигрового кино тем, что не приучили к нему.

Однако лишь призывами, статьями, даже прекрасно организованной рекламой мы зрителя к неигровому кино не приучим. Мы можем его приучить только самим экраном, используя для этого все существующие каналы (за исключением, телевидения, профсоюзная сеть, кино- и видеоклубы), присовокупив к ним в качестве основного тот, который сегодня вообще отсутствует: выпуск полнометражных неигровых фильмов и программ во все кинотеатры страны на обычные сеансы и за обычную плату. И не надо бояться возможных на первых порах потерь. Ибо, перейдя от заливочного «Эх, прокурат!» и взвешенной, терпеливой прокатной работе, мы можем надеяться на постепенные серьезные приобретения в духе самой пропорции, которая была выдвинута Владимиром Ильичем и которая рассчитывала сделать на деле, а не на словах наше искусство принадлежанием народу.

Пора наконец понять, что кинематограф един, делится в первую очередь не на художественный и документальный, а на художественный и нехудожественный. Это надо понять не только тем, кто должен обеспечивать неигровым фильмом дорогу на экран, но и тем, кто их в дорогу отправляет: создателям лент. Думается, для этого, во-первых, нужно постараться поднять собственное достоинство, избавившись от комплекса «второстепенности» своей работы, «доископости» и игрового кино. А во-вторых, нужно поднять достоинство само-

го неигрового кино. Это означает прежде всего разворот нового художественного мышления, позволяющего выйти к новому уровню правды.

От изобретения в 60-е годы умения с помощью длительного наблюдения, скрытой и синхронной съемки воссоздавать предельно истинную, сиюминутную ситуацию — и правде целого, правде глубинных взаимосвязей. Мы должны сделать тот шаг, который уже готовы были сделать на рубеже 60—70-х годов, но остались на месте, ибо правда глубинных взаимосвязей оказалась не по плечу. Поэтому сегодня приходится начинать все заново. Поэтому молодые (и не только они), обращаясь к подпольным, вулканическим пластам жизни, часто сбиваются на фиксацию отдельных мгновений, фактов, моментов. Это, видимо, естественный этап.

Но время властно требует дальнейшего движения — от факта и явления, от мгновения к эпохе, от истины момента к моменту истины, от зрелища, экранного рассматривания мира в целом к зрелищу, экранному рассматриванию мира в осознании скрытых процессов. Видеть, говорить реченными словами, всю правду, а не только ту, которая дается глазу. Даже если это в кинодела.

Сегодня позиция наблюдателя, души самого зоркого, все меньше годится и для экрана, и для кинематографа. Какой-то шутник уныло заткнулся ситуацией на Студии им. Горького назвал «расцветом востая». От нас, наверное, зависит, чтобы нынешнее время не превратилось, как двадцать лет назад, в «застой расцветая». С этой точки зрения гавартовская формула вполне актуальна и в ее первоисточнике. Быть или не быть — вот в чем вопрос.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ «Не понимаю!»

Под таким заголовком 16 марта 1987 года был опубликован публицистический заметки известного драматурга Виктора Маржико. Автор с болью, горечью, недоумением говорил о тех привычных, увы, явлениях нашей повседневной жизни, которые не соотносятся ни с этикой, ни со здравым смыслом, уникальными и бесчеловечными. В качестве примеров приводились ситуации, в каких оказывались мы зачастую в гостиницах, поликлиниках, метро, детских садах, куда приходим своих детей.

Сотни читательских писем дали сигнал: «Понимаю!» Это и побудило автора продолжить, конкретизировать разговор, прибегнув к зрелищным средствам выразительности. Не материал выступления в «Советской культуре» задумала серия публицистических телепередач в рубрике «Для всех и для каждого». Передача, созданная В. Маржико в содружестве с режиссером Н. Вишняковой и оператором С. Гуровым, вышла в эфир в конце марта. Авторы назвали ее «Шок». Это как раз то, что испытывали, наверное, многие зрители передачи, столкнувшись вместе с ее автором В. Маржико с ужасными (не боящимся этого слова) явлениями застоя, чиновничьего волюнтаризма, оскорбительного недоверия к людям, с пренебрежением и из чуждостью к достоянию. Впечатляющие репортажные эпизоды в гостиницах святились монологами-размышлениями автора. Целый комплекс проблем экономического, этического, нравственного порядка ставит В. Маржико в связи с архаистическим нынешним неадекватным гостиничным сервисом. Высочайший гражданский грядущий перемены, критический, но и конструктивный ее характер позволяют надеяться, что являясь с выступлением, газетой она обратит серьезное внимание общественности и соответствующих властных органов на запущенность нашего гостиничного хозяйства, и на те болезненные моральные травмы, какие наносится людям. Виктор Маржико делает крайне важное сегодня дело публициста. Ждем следующие выпуски.

ТВ: ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

СИМФОНΙΑ РАЗУМА

Фильм «Неоконченная симфония», показанный на днях по телевидению, лишь формально посвящен 30-летию договора между Советским Союзом и США об обменах в научно-технической, культурной и иных областях. По существу это фильм о подвиге муз и здравого смысла, хотя кое-кто до сих пор считает их антиподами.

История создания фильма сама по себе доказательство благотворных перемен в советско-американских отношениях и роли муз в этих переменах. «Становой хребет» публицистической документальной ленты — тельмонд Москва — Атланта, обогащенный кадрами кинохроники бурного тридцатилетия. «Неоконченную симфонию», так сказать, сочинило и исполнило трио: Главная редакция международного журнала ЦТ (СССР), в том же Обществе «За лучший мир» и Тернер бродячий симфонист (США). По словам одного из авторов сценария, Владимира Познера, в процессе монтажа картин буживало каждый кадр и каждое слово вставлялось в нее так же, как в абсолютный, в компромиссному — необходимому. В результате — «Неоконченная симфония» — первый

фильм этого жанра, который советская и американская аудитория смотрит и слышит в идентичном «до языков» виде. Направляется невольно сравнение с Договором по РСМД. В договоре, детское компромисса, тоже все идеально, хотя международно-правовая терминология трактует об аутентичности текстов на обоих языках. Однако в договоре важнейшее место занимает, конечно, инспекция, то, что обозначено стилизованным русским словом «Доверия», но проваряет. Имеются ли контроль и инспекция в фильме, но да, имеются. Это многомиллионная аудитория зрителей по обе стороны океана — Атлантического и Тихого, испытывающая телеевровестование не искренности, на правдивости, но добро. По-моему, фильм выдержал это главное испытание.

Могут спросить, а выдерживает ли фильм сравнение с Договором по РСМД? Разумеется. Оба они — детища нового политического мышления. Один бьет по пушкам, другой ударяет по струнам. Один демонстрирует орудия смерти, другой — створити врага. Я уже упоминал, что «становой хребет» фильма послужил тельмонд Москва — Атланта, Тельмонд стал знаменным временем. Можно и нужно спорить об их удаче и неудаче — бывают и такие, которые скорее разведет, чем соедит, — но факт остается фактом: люди тянутся навстречу друг другу, и эта эта все больше становится неодолимой. В мой памяти еще живы годы, когда само выражение «наведение мостов» служило синонимом идеологическим диверсий Запада. Авторство «наведения мостов» ошибочно

приписывалось Збигневу Бжезинскому. А он-то как раз был против «наведения», сам говорил мне об этом, будучи (сознаюсь!) у меня в гостях в Нью-Йорке. Бжезинский настолько не превращал нас, что предпочитал извездить мостовые пушки. Ничего и он претерпевает метаморфозы. Будем откровенны, причиной тому не столько его «прозрачные», сколько метаморфозы, которые претерпевает мн. Кстати, тельмонд перебарщивает не только между странами и народами, но и между перестройкой и новым политическим мышлением. И здесь в явную общность корин между Договором по РСМД и «Неоконченной симфонией». Контроль — форма гласности, а гласность — форма контроля. Открытые, как сказал М. С. Горбачев, карты в области вооружений, мы не можем закрывать и от внешнего мира, а тем более от себя. Тельмонд соединяет нас не только с США, Англией, Японией и так далее, но и с самим со-

бой, мы узнаем даже не столько кто, сколько самих себя. Но это, как говорится, особая тема. «Неоконченная симфония»... Глядя на исполнителей ее «корнестрантов», невольно переживаешь последние десятилетия советско-американских отношений с их редкими всплесками и частыми падениями. Парнившись тем глубже, кто лично знаком с этими «корнестрантами». Я радовался, когда в Нью-Йорке под кертной одного грузинского графика, символически изображающего стилоку «Аполлона» и «Союза», мне удалось собрать автографы всех участников этого уникального астротомства. Я печалился, когда в Лос-Анджелесе не было создателей фильма «Москва слезам не верит», получившего «Оскара» (тогда кое-кто в Москве в ков-кто не верил), и я не мог взять у них интервью. Я радовался встрече с доктором Гайлом, которого в трагедии Чернобыля сделала нашим другом. Я печалился, когда

редактируя первое издание биографии доктора Хаммера на русском языке, выбрасывал из нее, «спасая» книгу, имена и события опят-таки нашей, а не их истории. «Неоконченная симфония» напомнила мне и две национальные выставки: Советского Союза в Нью-Йорке и Советских Штатов в Москве. Я писал об этом. И о беседат президента Эйзенхуэра с Ф. Козловым, и о знаменитом диспуте на «типичной американской кухне» между Н. Хрущевым и бывшим тогда вице-президентом США Ричардом Никсоном. В мой репортаж о последнем не вошла следующая сцена. Разговорный спор, Никита Сергеевич сваял за руку стоявшего поблизости здорового русского парня и, подталкивая его к Никсону, крикнул: — И вы хотите победить такой народ! Никсон не растерялся. Отыскав взглядом не менее здорового американского гда, он тоже сваял его за руку и

тоже подтолкнул его навстречу Хрущеву с возгласом: — А вы хотите победить такой народ! Молодые, красивые, полные жизни, атлетически сложенные парни — русский и американец, почти на две головы выше тандемши из за руки государственности деятелей, — удивленно и растерянно смотрели друг на друга, пока Хрущев и Никсон до хрипота в горле доказывали, кто из них сильнее. Это тоже был мост. Хотя и не теле, мост в никуда. Я неожиданно, но моментально вспомнил эту трогательную сценку, участие, правда, пассивное, в тельмонде Москва — Атланта. Толчком для памяти послужили слова Ольги Корбут. В 1973 году Никсон принял ее в Белом доме (то был разгар разрядки). В беседе с прославленной советской гимнасткой американский президент посетовал: вот вы, милая гимнастка, крутисе, ирритисе, а приехали кс-таки на ноги. Я бы хотел, добавил он, чтобы так же происходило и в

политике (Никсона уже обингал дилемме «уотергейт»). Новое политическое мышление дает государственным деятелям прекрасную возможность прочно стоять на ногах. Для этого не надо цепляться за здоровенных парней или здоровенные реметы. Для этого надо опираться на народы, рукоождостваться разумом. Мост между волей народов и миру и государственной мудростью — единственный путь в будущее, достойный сообщества мыслящих существ, а не спонция пушечного мяса. Именно в этом пафосе «Неоконченной симфонии». «В знаменитой симфонии Гайди, где музыканты, исполняющие ее, один за другим покидают сцену и задувают свечи на свечках, в финале наступает мрак. В неоконченной симфонии мира и сотрудничества людей планеты все происходит наоборот. С каждым днем прибывают «корнестранты», несущие светильники разума, развивающие мрак заблуждений, порождающих ненависть. Больше света, больше!

Мэлор СТУРА.

ВАСНЕЦОВСКАЯ ВЕСНА

Не так уж много знаем мы художника, чье место в истории необразованного искусства было бы не восточнеею определено из же соаврежниками. О Викторе Васнецове как о явлении значительном, самостоятельном, сентиментальствующем о силе национального самосознания русского народа, писал В. Стасов, А. Бенуа, С. Давидов, Ф. Шаляпин, Н. Рерих. Все они были убеждены, что наследие художника будет дорого, важно и последующим поколениям.

Картины Васнецова наполнены чувством любви к родине, и оттого так безотчетливо влияют они на нашу сознание и чувства. С детства мы знаем и любим: Алешкуша, богатыря, Иван-царевича, прекрасные сказки, — наполяла наш духовный мир потребности добра, правды, справедливости, возбуждала в нас гражданские, патристические чувства. Многие поколения учились грамоте по азбукам, которые иллюстрировал Виктор Васнецов. Его рисунки делали для нас более зримыми героев Пушкина,

Гоголя, Крылова, Лермонтова. Но не все, видимо, знают, что Виктор Васнецов был не только автором живописных полотен и иллюстраций к книжкам русских классиков, а и тому же еще талантливым архитектором и художником-монументалистом. По его проектам построены церкви в Абрамцево, дом известной коллекционерки Н. Цветкова в Москве, по эскизам Васнецова сделаны фрески на фасаде Русской церкви в западногерманском городе Дармштадте, мозаика в соборе Александра Невского в Варшаве, фасад Третьяковской галереи так же оформлен по рисункам Виктора Васнецова.

Десять лет напряженного творческого труда вложил мастер в росписи Владимирского собора в Киеве. С восхищением откликнулся на них М. Нестеров. В письмах к своим близким он писал, что Васнецовские тушлы во Владимирском соборе «всем они переносят зрителя в далекое прошлое и дают возможность предстать себе и характеры.

В Москве (ул. Горького, 46) открылась выставка графики Виктора Васнецова, которая познакомила зрителей с малоизвестными разделом его творчества. Это рисунки, эскизы, свидетельства о том, как рождался замысел В. Васнецова — архитектора, художника — монументалиста, декоратора, портретиста.

Выставка приурочена к юбилею художника — и 140-летию со дня рождения, — говорит директор Дома-музея В. Васнецова Нина Александровна Ярославцева. — Все эти работы — из собрания нашего музея и из частной коллекции Г. Беллюкова. В Москве и на родине художника, в Кировской области, в Кичинском районе, прошли фестивали искусства «Васнецовская весна». В его программе выставки, концерты, лекции. В Дмитрове открылась выставка этюдов, выполненных живописцем в окрестностях этого города. Представительная делегация художников из Москвы выезжает в родное село Виктора Васнецова — Рабеево.

Н. ДАНИЛЕВИЧ.

М. НЕСТЕРОВ. Портрет В. М. Васнецова. В. ВАСНЕЦОВ. Иллюстрация к стихотворению Пушкина «Письмо вещем Олегу».

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

«КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ ИСКУССТВО?»

17 мая в пресс-центре МИД состоялась пресс-конференция советских и зарубежных корреспондентов с секретарями правления Союза композиторов СССР (присутствовали Т. Хренников, К. Хачатурян, И. Попов, секретарь правления Союза композиторов РСФСР Ю. Коров, руководитель пресс-центра фестиваля Е. Баранкин), посвященная III Международному фестивалю современной музыки в Ленинграде. Затем речь зашла о статье Веры Горностаевой «Кому принадлежит искусство?», напечатанной в нашей газете 12 мая. Нижне мы публикуем выдержки из той части пресс-конференции, которая относится к статье Веры Горностаевой.

Зин Смайлс, корреспондент газеты «Дейли телеграф». Господин Хренников, вы можете прокомментировать статью в «Советской культуре», где автор вас, кажется, сурово критикует за то, что вы жестко критиковали и даже преследовали выдающихся композиторов Прокофьева и Шостаковича. Вы согласны с этой точкой зрения?

Т. Хренников: Я думаю, лучше бы на этот вопрос ответил кто-нибудь из моих коллег, потому что это касается меня лично. А я потом могу добавить кое-что. Может быть, кто-нибудь из членов секретариата союза. Вот Карен Хачатурян, секретарь правления Союза композиторов, народный артист РСФСР.

Зин Смайлс: Известные, пожалуйста, я хотел бы прямо задать вопрос вам, потому что вы так много лет руководили в области музыки. Очень хотел бы, чтобы вы ответили.

Т. Хренников: Ну, пожалуйста, я могу, мне это безразлично. Я считаю эту статью клеветнической, лживой, она не основана ни на каких фактах. Поэтому я могу самым категорическим образом заявить просто протест по поводу публикации статьи в газете «Советская культура».

Какие факты я могу привести, так сказать, в своей коблр? Я тогда был сравнительно молод, я не собирался заниматься никакой общественной деятельностью и не стремился к этому, писал только музыку.

Когда после смерти Сталина у нас постепенно налаживалась атмосфера (это было в 1957 г.), была премьера моей оперы «Мать» в Большом театре. На эту премьеру пришел Хрущев с Михоконом. Они пригласили меня и себе в ложу. Сначала они высказали свои впечатления по поводу моей оперы, а потом был общий разговор. И я Хрущеву говорю, что получается очень неприятная для партии вещь, потому что люди, которые в постановлениях приговорены как вражеские композиторы, являются ирриформальными. Это приводит к тому, что в пятно остается на партии, которая высказалась о них в 48-м году вот таким образом. И нужно обязательно что-то сделать, чтобы этого клейма на партии не оставалось. Он говорит: мы подумаем. И через несколько месяцев — это было в мае 58-го года — появилось постановление ЦК об исправлении ошибок. Это было, наверное, единственное постановление Центрального Комитета, которое по существу своему дезавуировало. Писатели до сих пор ничего не сделали, хотя были постановления о журнале «Звезда», «Ленинград», об Ахматовой, о Зощенко.

Во всяком случае перед своими старшими товарищами, нашими корифеями я всегда пред-

клялся и со многими у меня остались дружеские отношения. У меня были самые нормальные, даже дружеские отношения с Дмитрием Шостаковичем, и с Арамом Хачатуряном (Арам Хачатурян был просто моим личным другом). Они во всем не имели никаких претензий, и они видели, что я лично всегда старался помочь избавиться от тех пятен, которые были тогда сделаны.

Вот краткий мой ответ. Если кто хочет добавить, пожалуйста.

К. Хачатурян: Эта статья вызвала непонимание и гнев всех членов Союза композиторов. Даже у тех, которые, скажем, были настроены по отношению к руководству союза нейтрально или даже оппозиционно. Тон этой статьи, ее клеветническая суть объединили членов Союза композиторов против газеты и против автора этой статьи. Статья подтасована... Эта статья по стилю очень напоминает критику 40-х годов, времена Сталина и Жданова, что вызывает просто удивление.

Там все перепутано, все, как хотелось автору, так и подтасовано. Почему газета «Клондайк» на эту дешую сенсацию? Тем более это сделано в канун фестиваля, например. Это удар несправедливый, удар ниже пояса по нашему руководителю, которого мы все очень ценим и очень уважаем. Это талантливый композитор. Можно любить — не любить, нравиться — не нравиться. Это другой вопрос, но это человек, который принадлежит музыке, очень для нее много сделал. Если хотите, принес себя во многом в жертву, потому что, если бы он не занимался этим делом и не тратил уйму энергии, сил, крови часто на вещи, которые имеют далекое отношение к музыке, чисто организационные какие-то дела, заседания и т. д., он прожил бы, наверное, гораздо более спокойную и счастливую в творческом отношении жизнь. Но он волею за это дело и сделал доброе дело в трудные времена.

Что касается деятельности Хренникова, я должен сказать, что 40 лет он держался не на штыках, а держался голосованием демократическим, его выбирали от съезда к съезду все большее и большее количество людей. А на последних съездах он почти единогласно проходил. Ведь это же о чем-то говорит. Потому что люди ему верят, люди его уважают. Уважают его ум, его опыт, его мудрость. Мы это не прости и разберем в этих делах до конца. У нас сейчас гласность, демократия, и будьте любезны, отвечайте за свои поступки.

Е. Баранкин: Юрий Семенович Коров хотел что-то добавить.

Ю. Коров: Если коллега, задавший вопрос, не устал, то я хотел бы добавить несколько чисто фактических понятий. В жизни, наверное, каждого крупного политического деятеля, да, может, и в жизни почти каждого человека, есть моменты, которые можно назвать моментами истины. Мне кажется, что таким моментом, одним из таких во всяком случае моментов для Тихона Николаевича Хренникова как руководителя Союза композиторов был Второй съезд. Он состоялся девять лет спустя после Первого съезда (57-й год). Это был съезд абсолютной демократии. Это был съезд, на котором голосование проводилось самым открытым, демократическим способом, когда в список включались не одна, или две, или десять, или двадцать обязательных фигур, но количество людей, предложенных кандидатами, намного превышало количество тех, которых можно

было бы избрать по уставу. И в этой обстановке — девять лет, повторно, прошло, тяжелых лет — оказалось, что не прошли почти все секретари, которые были избраны на Первом съезде, не прошло еще несколько очень крупных в свое время функционеров и композиторов, но прошел Хренников.

Второе. Относительно того, как идет в Союзе композиторов перестройка. Я, признаюсь, уже начал со смехом относиться к соображениям относительно того, что Союз композиторов не перестраивается, начиная с VII съезда. Чем это аргументируется? Нет в Союзе композиторов скандалов, нет в Союзе композиторов разнузданной групповщины, никто не доходит до рукопашной — то, что случалось, к сожалению, в других творческих союзах. Не низвергают авторитеты, уважают авторитетных людей. Разве в этом суть перестройки? А вот смотрите, какие дела Союза композиторов. Наш фестиваль! Я полагаю, что такого масштаба он мог достичь только в наше время. Наш огромный Всесоюзный пленум, посвященный детскому воспитанию, — это, безусловно, то, что возможно было только в условиях перестройки, гласности, демократизма. У нас выступил около ста человек на этом пленуме. Поднимались актуальнейшие вопросы. Наши симфоническая и камерная комиссии, которые работали кое-как, выезжают в республики и города, проводят пленумы, заседания...

Можно привести массу таких фактов. Мы не обобщаемся. Это только начало, это только самые первые шаги.

Р. Черный, корреспондент газеты «Советская культура»: Здесь прозвучали слова о яло-

бы имевшей место на страницах нашей газеты фальсификации, о подтасовке фактов, недобросовестном обращении с материалом. Скажите, пожалуйста, какие конкретные факты не соответствуют действительности?

И. Попов: Формально факты, которые приводятся, соответствуют публикации в журнале «Советская музыка». Но я не случайно построил так свою фразу и первым поставил слово «формально». Нам Тихон Николаевич прямо сейчас рассказал, как было в 48-м году с этим докладом, а в результате того, что приговоре доклада — основное место в статье, получаются серьезные перекосы в восприятии всего этого. Получается даже на деле возвращение к нашим худшим временам, к сталинско-ждановским. Ведь что здесь в результате вышло: получилось так, что 40 лет развития советской музыки на деле в общем не дали ничего.

Зин Смайлс: Когда будет следующий съезд Союза композиторов? И этот вопрос к господину Хренникову тоже. Можно уточнить, что вы будете еще раз кандидат на это место?

Т. Хренников: Следующий съезд у нас должен состояться в 90-м году. Я надеюсь, что уже к этому съезду мне не хватит терпения больше заниматься моими делами Союза композиторов. В этом году мне исполняется 75 лет, и, по-моему, совершенно достаточно, когда можно ограничить свою такую крупную общественную деятельность и ее закончить. Не думаю, что это нужно сделать завтра или послезавтра, но во всяком случае на новый съезд я свою кандидатуру не буду выставлять в качестве кандидатуры на первого секретаря. Это я вам точно скажу.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Мы воспроизвели ответы Т. Н. Хренникова и других руководителей союза. Выступавшие назвали статью В. Горностаевой «Клеветнической» и «подтасованной».

В чем же усмотрели они клевету и подтасовку в этой статье?

На пресс-конференции секретаря правления СК И. Попов сказал: «Формально в статье все правильно». «Формально» — тут явно ни к чему. Утверждение и это можно доказать документально — никаким скандалом ни текста, ни истинности, ни мысли Т. Хренникова в статье В. Горностаевой нет. А следовательно, обвинение в клевете не находит никакого подтверждения. Оно ни на чем не основано ни формально, ни по существу.

По поводу высказывания Т. Хренникова о том, что ему доклад написали не в редакцию ЦК партии и что к этому докладу он не имеет никакого отношения, и там нет ни одной его мысли, прямо не знаем, что и сказать. Докладчик — не директор, и он обычно отвечает

за свой доклад за все его положения.

Что не касается обвинений в том, будто статья зачеркивает весь 40-летний плодотворный путь Союза композиторов СССР под руководством Т. Н. Хренникова, то просим снова обратиться к самой статье. Там на эту тему вообще нет ни слова. Достоинства советские композиторы широко известны, и на страницах «Советской культуры» об этом много и подробно писали и будут писать, пропагандируя все лучшее, что есть в советской музыке.

Однако мы хотим, чтобы по поводу работы Союза композиторов СССР в условиях перестройки были сделаны и серьезные замечания в острой, критической статье, опубликованной в последние год-полтора в газете «Правда», «Известия», в журнале «Театр» и в других изданиях. Да и в нашей газете высказывался целый ряд критических замечаний и конструктивных предложений по работе союза.

Из этих статей становится ясно, что многие мысленно бе-

ды союза кормилим уют в атмосфере 1948 года, тех годов, когда талантливые композиторы, на смелость и новаторство в музыке, которым отлагались неслегка в жизни старшим годы.

Да, нам еще очень долго придется учиться жить в условиях гласности, учиться не воспринимать критику в качестве клеветы, «подтасовки» и прочих хлестких определений. Обижаться на правду не следует.

Мы уважаем право каждого на выражение своего мнения. В том числе и по столь сложному вопросу. В этом одна из особенностей демократических процессов в нашем обществе. Сегодня мы все переосмысливаем наше прошлое, сегодня прошло время полной правды о прошлом нашей жизни с тем, чтобы освободиться от тяжелого груза нравственных да и других наших ошибок и заблуждений. Именно эти мотивы — а основа публикации статьи «Кому принадлежит искусство?».

27 июня 1934 г. в известности была опубликована небольшая заметка известного советского математика академика М. М. Лузина. Заметка эта называлась «Противодействие» и была подписана Лузиным. Заметка была опубликована в журнале «Математический журнал» в 1934 году.

Лузини товарищеский критический работы, которую я в свое время опубликовал. Мне не удалось опубликовать эту статью — она не была принята. Больше того, он выложил в журнале «Математический журнал» статью, которую я опубликовал в журнале «Математический журнал» в 1934 году.

Продолжит далее, и в «Правде» появились «Открытое письмо М. М. Лузину» академика М. М. Лузина 14-го июня 1934 года.

Так началось развитие взаимоотношений одного из самых крупных советских математиков, основателя школы математической физики, академика М. М. Лузина с одним из крупнейших математиков, академика П. Л. Капицей.

Капица вспоминает этот момент и обдумывает свое собственное письмо. В своем первом письме Капице он пишет: «За ненадобностью вернуть гр-ну Капице П. Л. Молотову».

В университете в научно-исследовательском институте Капица продолжает работать, на котором он работает в «Правде». М. М. Лузин излагает из состава редакционной коллегии, из состава редакционной коллегии «Правды».

Мы предлагаем вниманию читателей «Советской культуры» подборку писем Петра Леонидовича Капицы.

Товарищ Молотов, Статья в «Правде» о Лузине меня озадачила, порочила и возмущала, и как советский человек я чувствую, что я должен сказать Вам, что я думаю по этому поводу. Лузин обвиняется во многом, а не знаю, справедливы ли эти обвинения, но я вполне допускаю, что они полностью обоснованы, но и в этом случае мое отрицательное отношение к статье не изменится.

«ЗА НЕНАДОБНОСТЬЮ ВЕРНУТЬ ГР-НУ КАПИЦЕ...»

Три письма из личного архива

Сперва начну с нескольких обвинений Лузина мелкого характера. Он печатал свои лучшие работы не в Союзе. Это делают многие ученые у нас главным образом по двум причинам: 1) у нас смирно печатают — бумага, печать; 2) по международному обычаю, приоритет дается только (в том случае), если работы напечатаны по-французски, немецки или английски. Если же Лузин печатал в Союзе журналы, которые их принимали.

Я очень сильно переживаю арест Фока. Меня раздражает страх, что это грубый, недостаточно продуманный акт. Он может принести большой вред нашей науке. Я так волнуюсь, что написал, правда, очень кратко, тов. Сталину об этом. Иначе я буду чувствовать, что я не сделал все, что могу, чтобы предотвратить, как мне кажется, большую ошибку. Сердце у меня как хотило, но я иначе не мог поступить.

Ваш П. Капица

Лузина, очень серьезное — он скрывал за десятью свои антисоветские настроения, хотя каких-либо больших преступлений не указывалось. Тут стоит по существу очень важный и принципиальный вопрос: как относиться к ученому, если морально он не отвечает запросам эпохи.

Капица вспоминает этот момент и обдумывает свое собственное письмо. В своем первом письме Капице он пишет: «За ненадобностью вернуть гр-ну Капице П. Л. Молотову».

Мы предлагаем вниманию читателей «Советской культуры» подборку писем Петра Леонидовича Капицы.

после его обращения лично к Вам аграриям был дан! И действительно, через некоторое время югославский посол в Москве вручил мне скульптурный портрет в орденах.

Эти примеры показывают, что в инкомиссии надо относиться весьма дружелюбно к Бернштейну, как это делал Ленин. Инкомиссия тесно связана с полемикой творческой деятельности человека, а творческая деятельность в любой отрасли культуры обеспечивает прогресс человечества.

Предварное звание профессора.

В результате двустороннего развития творческой культуры человек способен делать то, что раньше было невозможно. Это происходит во всех областях человеческой культуры.

Капица вспоминает этот момент и обдумывает свое собственное письмо. В своем первом письме Капице он пишет: «За ненадобностью вернуть гр-ну Капице П. Л. Молотову».

Капица вспоминает этот момент и обдумывает свое собственное письмо. В своем первом письме Капице он пишет: «За ненадобностью вернуть гр-ну Капице П. Л. Молотову».

Капица вспоминает этот момент и обдумывает свое собственное письмо. В своем первом письме Капице он пишет: «За ненадобностью вернуть гр-ну Капице П. Л. Молотову».

Капица вспоминает этот момент и обдумывает свое собственное письмо. В своем первом письме Капице он пишет: «За ненадобностью вернуть гр-ну Капице П. Л. Молотову».

Лазарев Петр Петрович (1878-1942) — физик, био и географический академик (1931) году, членом Центрального комитета партии, членом Президиума Академии наук СССР (1934). С 1934 г. вместе с В. И. Перельманом был исключен из состава действительных членов Академии наук СССР в контрреволюционной организации. Имели место в контрреволюционной организации (1931-1934) г. вместе с В. И. Перельманом (1933-1947), химиком А. Е. Чичибиным (1871-1945) и И. Н. Натальевым (1867-1932) не вернулись из зарубежных командировок.

ЧИТАТЕЛЬ ПРЕДЛАГАЕТ РОТЕСТИРУЕТ ОЛЕМИЗИРУЕТ

В ЖАНРЕ ДОНОСА

С огромным интересом и удовлетворением прочитал отчет о конференции историков и писателей по актуальным вопросам исторической науки и литературы.

Однако меня несколько озаботил, пожалуй, некоторый профессиональный снобизм, сквозивший в ряде выступлений. Писатели утверждали, что они знают, о чем надо писать и по какому пути должна развиваться советская литература. Историки либо полностью знали, какие ошибки были допущены их наукой, либо имели ясность, как эти ошибки надо исправить. За бортом дискуссии остался потребитель, то есть читатель. Поэтому я прошу: предоставляйте слово непрофессионалу, которому хочется сказать, что, по его дилетантскому мнению, оживает он и от литераторов, и от историков.

Писатели акцентировали свое внимание в основном на личности Сталина. Это, безусловно, важная тема. Однако есть один вопрос, связанный как с периодом Сталина, так и с годами застоя: как эти урожденные великие смогли получить среди населения многомиллионной страны питательную пищу? Ведь одного Сталина и группы его подручных было явно недостаточно, чтобы вернуть страну во мрак средневековья. Были, по-видимому, и другие факторы, без четкого анализа которых мы никогда не будем иметь гарантии того, что эти периоды не повторятся. При этом мне кажется, что в анализе некоторых из этих факторов решающая роль должна принадлежать не только историкам, но и литераторам, писателям с их талантом психологического анализа.

А поговорить здесь есть о чем. Давайте представим на секунду такую ситуацию. Лет этак 120 тому назад собрался вместе Лев Николаевич Толстой, Федор Михайлович Достоевский, Иван Сергеевич Тургенев и еще восемь писателей и социалистическое письмо, в котором указывали бы, что возглавляемый Николаем Алексеевичем Некрасовым журнал «Современник» ведет страну не туда, куда было бы нужно, просят гонимые «не наши идеи», а сам редактор — поэт, конечно, большой, но вот как редактор...

Наверное, такое нельзя представить даже в горячительном бреду по отношению и названию великим именем. Это просто невозможно было в среде литераторов XIX века. Но не двадцать того, когда появилось несомненное «письмо единичности» по поводу журнала «Новый мир». Странно все это, поскольку потребность в достоверности никогда не была свойственна русской интеллигенции вообще и писателям в частности.

В выступлениях М. Шатрова на конференции историков и историков приводится потрясающий факт обращения в 1982 году академика А. Г. Егорова по поводу письма М. Шатрова «Так победили» к... председателю ИГВ-СССР с рядом предложений по поводу запрещения этой пьесы и недопущения появления таких произведений в будущем. Примеры, наверное, можно продолжить, но мне кажется, что и приведенных достаточно для того, чтобы стало ясно, что проблема превращения части населения нашей страны в донощиков и палачей, проблема излечения русской интеллигенции от тиранического воспитания — это предмет самого тщательного и глубокого психологического анализа. Ведь не в гадугу народился культ Сталина, на него оказался определенный массовый спрос.

Думается, что сейчас нужно задать самим массовым тиражам хотя бы опубликованные в двадцатые годы стенограммы партийных съездов и конференций, теоретические работы тогдашних руководителей партии, снабдив их необходимыми комментариями. Мне постыдился прочитав стенографические отчеты XIV, XV, XVI и XVII съездов партии, после чего многие вопросы уже не потребовали никаких разъяснений. Дайте нам исторические факты, а мы сами поймем, а если не поймем, то спросим нашего совета, уважаемые историки.

В. ФРОЛОВ,
зав. кафедрой Университета дружбы народов им. П. Лумумбы, профессор,
МОСКВА.

А НУЖЕН ЛИ ОТДЕЛ КУЛЬТУРЫ?

Механизм партконференции справедливо, на мой взгляд, ставит сейчас вопрос о структуре местных партийных органов. В частности, вносятся предложения об упразднении из отраслевых отделов, занимающихся вопросами промышленности и транспорта. Но, по-моему, важнейшая и самая постановка вопроса: нужны ли в составе областных и краевых партийных комитетов отделы культуры?

Надобная память о деятельности такого отдела Свердловского обкома КПСС в недавние еще годы осталась у работников культуры области. Бывшая заведующая этим отделом самостоятельно решила вопрос, быть или не быть той или иной пьесе в репертуаре театров, ее вето при приеме спектакля было окончательным и не подлежало никакому обжалованию. Дало доходить до того, что главный режиссер театра согласовывал с отделом культуры распределение ролей между актерами. От отдела зависело представление деятелей культуры и почетным званием, которое, мягко говоря, далеко не всегда соответствовало их реальным заслугам. Отдел культуры обкома, безусловно, во многом несет ответственность за то тяжелое положение, в котором оказался ныне Свердловский академический театр драмы, который в свое время был одним из лучших в республике.

Отделы культуры многих партийных комитетов диктовали свои волю выставкам, редакционным советам творческих коллективов, грубо нарушая ленинские принципы руководства художественной интеллигенцией. В течение многих лет, например, не могли пробиться к зрителю многие лучшие произведения таких замечательных свердловских художников, как Г. Мосин и В. Волович. Свердловчане помнят, как по распоряжению отдела культуры обкома на территории области была запрещена демонстрация фильма «Дождик» до поведальника, который будто бы клеветал на советскую школу...

Мне партия предоставляет широкую самостоятельность учреждениям культуры и творческим союзам. Однако старые административные методы руководства культурой еще не ушли в прошлое. Но представим себе, что указания партии будут четко выполняться и отделы культуры партийных комитетов откажутся от упрямых традиций диктата и авторитарного нажима на работников

культуры. Чем же в этом случае они будут заниматься? Разбором бесконечных заявлений и жалоб, решением непрерывных жалоб между государственными и профсоюзными учреждениями культуры? Проблемами из материальной базы и кадров, вопросам строительства новых клубов, библиотек, кинотеатров? Составлением программ праздничных концертов на горжественных заседаниях? Организацией многочисленных комиссий по проверке работы тех или иных учреждений? Проведением конкурсов и смотров художественной самодеятельности и участием в заседаниях жюри? Но подумайте, впадают ли все эти деятельности в компетенцию партийных органов? Не подменяют ли они функции управлений культуры исполнительных комитетов местных Советов? Откровенно говоря, эти управления исполняют сегодня не столько волю трудящихся и их депутатов, сколько указания отделов культуры партийных органов.

Правда, у последних есть еще одна важная функция — распределять билеты на гастроли столичных театров коллективов и звездных звезд. Однако все чаще возникает крикяльная мысль: надо ли их распределять? Не доверять ли наконец эту функцию кассам театров и филармоний? Может быть, тогда на гастроливые спектакли и концерты попадут действительно любители искусства, а не только «экономические единицы». Подумайте, господа, что без соответствующих отделов партийных комитетов невозможно определение основных направлений культурной политики. Но есть ли вообще областная или краевая культурная политика? Может ли она быть иной в Свердловской области, скажем, по сравнению с Пермской или Челябинской? Словом, многолетний опыт работы партийных комитетов культуры в местных партийных комитетах можно обобщить, сохранить, развить, сделать политическое руководство, как и во всех других сферах. В том виде, в котором отделы культуры существуют сегодня, они скорее будут тормозить перестройку в важнейшей, «ключевой» для нас области — в культуре.

Л. КОГАН,
заслуженный деятель науки РСФСР,
профессор Уральского университета,
доктор философских наук,
СВЕРДЛОВСК.

КОНКУРС ПО-МИНИСТЕРСКИ

Началось все с того, что одна певица захотела стать солисткой оперы. В Одесском театре музыкальной комедии ей работать расхотелось. — Что ж, — сказали актрисе в нашем театре, — когда будет объявлен конкурс на вакантное место, подавайте заявление, как все, в соответствии с установленным порядком. Но певица оказалась непростой. — Вы должны взять ее во что бы то ни стало, — раздавались звонки из двух министерств культуры, из Киева и Москвы. — Есть люди, которые этого хотят. Они настаивают. Что вам стоит... Министры не требуют певцы такого профиля. Те, что есть, недогружены. — Независимо. Мы дадим еще одну ставку. Персонально для нее. — Да, но певцу нужно прослушать. Пусть решают специалисты. Прослушайте, — милостиво согласился наверху. — Но учтите, она должна работать солисткой у нас. В Академическом театре оперы и балета. И начались прослушивания. Их было несколько.

«Нет!» — твердо заявил наконец художественный совет театра. — Данные есть, но средние, а нам нужны отличные». — Предварительный — раздалось грозное сверку. — Не создали условия. Не проявили чуткости. Слушайте еще. И делайте выводы! Что ж... В августе 1987 года состоялось еще одно прослушивание. Худсовет театра был предельно внимателен. — Нет! — снова заявил он. — К сожалению, нет. Голос слабого наполнения, неровного звучания. Не тот уровень... Но через несколько дней в театр поступил протест. Со ссылкой на заместителя министра культуры СССР В. Каменнича театру был сделан выговор «за предвзятость» и предложено в кратчайший срок решить вопрос о приеме Т. Мяншиевой на должность солистки оперы. Четко и ясно. Копия — заинтересованце. Что делать?

Петр Градов

*Земля, омытая слезами...
Об этом можно ли забыть?
Любить
е захватили глазами —
ведь все равно,
что не любить.*
*Но, дни были весенние,
ды не забуду,
что для нас
земля всегда была родная —
и в светлый час,
и в трудный час.*
*И в годы страха
были люди.
Мы низко кланялись им.
Народ —
он был, и есть, и будет
бесстрашен, непоколебим.
И как бы в предвестье
луть на трубах,
но слово слабое не ким.*
*Преступало было бы сегодня
о страданиях
не вспоминали бы.*
*Но можно ли не ощущать,
насколько дышать свободней.*
*И те, кто выжили вселюзились,
крича,
что линия не та,
видю, хотят,
чтоб ослепались
доносы, страх и клевета.*
*Не будет!..
Глядя прямо в лица,
ды правду говорю сейчас,
чтобы не мог он повториться —
тот черный день
в черный час.*
*Земля,
дымная слезами —
Об этом можно ли забыть?
Любить
е захватили глазами —
ведь все равно,
что не любить.*

Члены партбюро и художественного совета театра заявили в один голос: не подавайте протестов, не подавайте протестов, не подавайте протестов! Принцип формирования творческой группы. Путь на сцену театра только один — через конкурс. Честный, открытый конкурс. Но талантливые голоса становятся все более нереальными и рассерженными. Что же происходит? Кто должен в театре формировать творческие кадры? Худсовет театра или кабинетные работники Министерства культуры СССР?

Анатолий ДУДА,
заслуженный артист УССР,
секретарь партбюро театра.

ОДЕССА.

СВОИ ПОДОЖДУТ!

Товарищ газета! Пожалуйста, внеси ясность, растолкуй, как это получается? Всегда многолюдно у Ливадийского выставочного комплекса. Интуристовские «Инарусы» подвывают к самому центру поселка, прямо направаются и двору. А группы советских экскурсантов должны выходить из своих автобусов на специальной, далекой стоянке «в целях сохранения уникальной природы Юнобирикска». Выходят, не ропщут. Любознатель и шактер, Аганистана и лечится в крымском санатории. Они приятно улыбаются гостям. Но когда на входе во дворца одна, другая, третья группа иностранцев обгонит твою, гасит улыбку. Сидят ветераны советского отряда глаза, молодые максималисты в упор задают вопросы: «А почему так?». Старался объяснить, напомнил о законах гостеприимства. Но тут как раз экскурсовод «Интуриста» пошла самсона берет: «У меня — Залиный Берлин!». А у меня — город-герой Тула. Всего лишь. Стои, идем.

Н. БЕЛОБЛОККАЯ,
преподаватель детской музыкальной школы № 6,
ЛЕНИНГРАД.

И ТАК ОХРАНЯЕТСЯ?

В Станице мы живем уже почти год и удивляемся беспечному отношению руководства и населения города к замечательным памятникам архитектуры и к городу в целом. Когда нас послали искать по распределению, мы по описанию в книгах думали, что едем в прекрасный культурный центр, где люди чтут и уважают свою историю, где они бережно охраняют

Политика заискусств — великие нашего времени. Фото В. Чейшвили.

Мне объяснили неоднократно, что иностранцы платят валюту, что так было всегда, что так велено, так принято. Но тогда, когда мы выехали, хотя бы четкое время отъезда («Интуриста») и не ставили ни экскурсоводов, ни экскурсантов в такое положение (чтобы не сказать униженного) положение.

Л. МАКАРКИНА,
экскурсовод.

АЛУШТА,
Крымская область.

КНИГА — НАПРОКАТ

О дефиците хорошей книги и трудностях приобрести ее или даже прочесть много говорилось в печати, по радио, телевидению. Но проблема эта не решается. То нет бумаги, то не хватает мастеров. Но как же быть, чтобы все люди, желающие прочесть ту или иную книгу, могли это сделать? Казалось бы, здесь должна прийти на помощь библиотека. Ведь библиотека в нашей стране много. Но, увы, получить для чтения хорошую книгу или даже свежий толстый журнал тоже для большинства невозможно. Даже установленная льгота для инвалидов, участников войны не помогает. Проста, а в книг нет. Я, к примеру, как участник войны записался в льготной очереди и жду уже более года одну книгу, но, увы. Очень много желающих, выделают мало хороших книг — один-два экземпляра.

Я считаю, что сейчас в этих условиях нужно резко увеличить снабжение библиотек за счет розничной торговли. И не в 2-3 раза, а в 100 и более. Но может возникнуть প্রশ্মанный вопрос: где у библиотек деньги, ведь бюджет их ограничен? Вот поэтому и предлагаю создать в библиотеках отдельный фонд — платный прокат книги. Думаю, что тариф проката будет неабсолютно невысок, и вполне доступен любому читателю. Затраты на приобретение библиотечными или прокатными пунктами книг быстро окупятся. И, думаю, это будет очень хорошо и выгодно как для читателей, так и для библиотек. Ну а потом, когда та или другая книга уже полностью окупит и дефицит не будет складываться, можно передать в общий фонд библиотеки или даже организовать продажу через книжные магазины.

И. ВИНУКОВ,
участник Великой Отечественной войны,
ВОЛГОГРАД.

САДКО... БЕЗ РЕПЕРТУАРА

За последнее время резко возрос интерес и фольклору, народным музыкальным инструментам. В частности, и гусли. Такой фант. В Ленинграде прошел XI конкурс имени Андрея среди учащихся детских музыкальных школ. В нем участвовали исполнители на рус-

ских народных инструментах. Раньше в конкурсах можно было встретить только юных ленинградцев и жителей области. На этот раз приехали гости из других городов страны. 14 человек играла на гусли. Для сравнения: в предыдущем конкурсе было всего двое. И тем не менее конкурсантов могло быть гораздо больше. В чем же дело?

Увы, нет педагогического репертуара, специальных программ. Более того, ни в одной официальной инструкции, регламентирующей работу детских музыкальных школ, звончатые гусли даже не упоминаются. Стало быть, начальное обучение на этом замечательном русском инструменте в Ленинграде (и в других городах) как бы не существует. В то время как класс гуслей есть в ряде музыкальных школ и училищ не только в городе на Неве.

10 лет я обучаю игре на гусли детей. Две мои выпускницы поступили в Ленинградскую консерваторию, где открыт класс гуслей. И все десять лет мне приходится преодолевать массу трудностей, на свой страх и риск подбирать репертуар. В таком же положении и другие преподаватели. Даже в нотном отделении Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина нет репертуара для гуслей. Но при этом гусли официально включены в программу всесоюзных конкурсов исполнителей на народных инструментах. Вообще гусли оказались единственным русским народным инструментом, для которого нет педагогического репертуара. Как же готовить юных музыкантов? Этот вопрос я адресую композиторам, издательским работникам, всем, от кого зависит решение проблемы.

Звончатые гусли с каждым годом завоевывают все большую популярность, их возможности еще до конца не раскрыты. Многие здесь зависят от подготовки в детских музыкальных школах. Надо только, чтоб гусли там заняли подобающее им место.

Н. БЕЛОБЛОККАЯ,
преподаватель детской музыкальной школы № 6,
ЛЕНИНГРАД.

«ОТЕЛЛО» — В НАГРУЗКУ К ОДЕЯЛУ

С нового театрального сезона у нас в Казахском драматическом театре им. Абды Калиева два раза в неделю после спектакля разыгрываются лотереи. Спектанты на сцену выносят разыгрываемые вещи. Создается лотерейная комиссия из зрителей, устанавливается порядок выписки билетов, распределяются обязанности: кто театр по учебным заведениям (институтам, техникумам, ГПУ, школам). На один театральный билет можно выиграть в лотерейный билет только на спектакль, но массир сказала, что без лотерейного билета.

Во время спектакля в зрительном зале царит беспорядок. Молодые люди разговаривают, смеются. Одна девушка громко сказала на весь зал: «Дайте скорее закончить спектакль, мы идем лотерею и это время на сцене пока спектакль «Дорога, которую выбрала ты...».

У нас в Семипалатинске выиграла лотерея очень много. Все футбольные билеты проданы с разрывом лотерейных билетов. В кинотеатрах в неделю два раза — в субботу и воскресенье — после фильма можно выиграть, например, одеяло и матрац.

Как педагогу мне очень больно за бездуховность и низкий культурный уровень многих наших молодых людей. Но как в смогу доказать им теперь, что театр — это храм искусства, а не магазин?

А. БЕЙСЕМБЕКОВ,
преподаватель,
СЕМИПАЛАТИНСК.

ТРУДОВАЯ ПОВИННОСТЬ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

Мой ребенок ходит в детский сад. Всем известно, что это такое: бесконечно мучны карандаши, пластилин, альбомы для рисования, скатерти, туалетная бумага. Я еще постоянно обшиваю куклы-то куклы. Но едк своего ребенка не жалеть! Сейчас подошла весна, и надо вымыть окна. Кое-что из родителей неотрез отказался, ито-то, стыдливо прятая глаза, изъясняется, не слышит и т. д. Я совсем одна, увы, далеко не юная. Оставить сына не с кем, и нет ни сил, ни времени, ни, честно говоря, желания на этот чисто ритуальный процесс «пручения» родителей и труда.

Я обратилась в фирму «Заря». Ну, почему бы не соскучиться родителям, не пригласить специалиста, вместо того чтобы тратить время, так нужное тебе и твоим члнрепутелю чадуй! (Скажу, что вообще приятнее, когда «салог» тачает салонника. Не хотелось бы мне, а примеру, оперироваться у хирурга, перебирающего названую гиную катушку).

В «Зарю» мне отозвались. Девушка по телефону сообщила, что они обслуживают население и ином образом не организуют. Детский сад же — организация, а мамы не население...

Ладно, вымою я то окно. Но ведь эта песня бесконечна! Вперед окраска полов, стен, выливание почвы, мытье мебели. И в саду, и в школе. Так ну никак нельзя предусмотреть какие-то платные мероприятия? Не работают уже отчисления, построенные на «трудности» воспитания. Почему? Во-первых, потому что эти времена, а во-вторых, наглядный пример, что на пятимодры (копоски, картофаля), собранные шефами и благополучно гниющие в таре, или листья в бумажках, перемешанные на правого угла дворе в левый. Устали мы от «галочек». А у нас грядет родительское собрание, где грозная заведующая собирается стыдить родителей, не выбравших выражений и обещающих выписаться на работу с лишением 13-й зарплаты...

Ну что от нас требуется, какой гражданской активности, если до самой смерти человека чувствуют себя мелко выносившим пешенками?

Н. ВЕНСКАЯ,
кандидат технических наук,
МОСКВА.

ЕСЛИ БЫ МОЛОДОСТЬ ЗНАЛА...

Хочу исповедаться. Вышла замуж. Казалось — по любви. Муж носил на руках. Но одна беда — смерть. Дунала, всему концы, так она действовала, хотя трудилась, растала внука. Мы были свободны, ходили в кино, в гости. Ездил и родным. Когда возвращалась, свирепая казалась еще хуже. Я думала: ну, почему она не такая, как мама? Промою с нами 19 лет, она уехала и своим страстям и там умерла. Из лотереи я не смогла поехать (да и не жалала). Когда приехала муж с похорон, его не помнила. Сяд задумчива, на мои замечания резон. Начались смядания, уходя из дома. Я его не оставила, считала, что всегда виновником. Сын ушел в армию. Потом трагедия с мужем. Похороны его, первые дни я с облегчением вздохнула все, освободилась, ином — радуюсь. Но прошло немного времени, и я почувствовала, что вступила в одиночество, дома и на улице. Ходить и подругам? У них мучай. О чем я буду говорить с ними? Сяд, одна дома, и жду того часа, когда сама стает счастливой. Наверное, невестка, прадед от своей смерти, будет думать, как и я когда-то. Почему мы в молодые годы не думаем о будущем и не даем тепла окружающим нас?

Надежда КОЛЕСНИКОВА,
МОГИЛЕВ.

